

ями из «Жемчугов» и «Огненного столпа» («Мне снилось — о, если бы было / То, что мне Бог открыл! / Мне снилась моя могила...», «Вы, слова заветные, куда? / Вас не взять, не спрятать, не прогнать»). Следующие сб.— «Тишина» (1935) и «Заветы» (1939) не свидетельствовали о росте; благожелательно относившийся к Б. В. Ф. Ходасевич во втором сб., совпавшем с выходом Б. замуж за ее берлинского юного друга, поэта-филолога М. Г. Горлина (1909–42?), увидел нисхождение. Он же посвятил обоим «Куплеты» и басню «Блоха и Горлинка». Это было уже в Париже, где они поселились в 1933, когда Берлин оказался в черно-коричневой паутине... Иначе отнесся к «Тихине» Г. В. Адамович: «Раиса Блох подкупает именно тем, что ни в какие платья не рядится, ничем не притворяется. Она такая, какая есть» — явная отсылка к прелестному «Воробью» (Последние новости. 1935. 24 янв.). Усердный читатель поэтических сб. А. Н. Вертинский обнаружил в «Тихине» текст, преображенный им в романс («Принесла ненужная молва...»).

Вторжение «бошей» и последующая оккупация Франции предопределили судьбы Горлиных. В 1941 оказался в концлагере и в июне 1942 был депортирован М. Г. Горлин. Б. с 2-летней дочерью (умерла в пути) пыталась спастись в нейтральной Швейцарии, но пограничники сдали ее нацистам. Последний достоверный документ — прощальное письмо по-французски, адресованное друзьям и выброшенное уже при отходе эшелона 20 нояб. 1943. Депортировали ли Б. в Германию, погибла ли она в пути или концлагере (Освенциме? Трешлинке? Маутхаузене?) — ни Я. Н. Блоху, ни Андре Мазону (ассистентом которого в Ин-те славистики был М. Г. Горлин) выяснить не удалось. Сб. статей и стихов (1957, 1959) были изданы в память исчезнувших.

Соч.: Страсти господни во французском искусстве // Встречи. 1994. № 6; Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения. Париж, 1959; Стихи // Новая юность. М., 1994. № 4; Здесь шумят чужие города... / предисл. Леонидова В. М., 1998; Etudes littéraires et historiques par Michel Gorlin et Raïssa Bloch-Gorlina. Paris, 1957.

Лит.: Лит-ра русского зарубежья: Книги и рецензии / сост. В. Н. Баскаков и др. по материалам картотеки А. Д. Алексеева. СПб., 1994; Леонидов В. В. Блох Раиса Ноевна // Писатели Русского зарубежья: 1940. М., 1997; Воронова Т. П. Блох Раиса Ноевна // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. 1918–1930. Т. 2. СПб., 1999.

М. Д. Эльзон

Д. И. Блынский

БЛЫНСКИЙ Дмитрий Иванович [23.2. 1932, д. Васютино Орловской обл.— 10.1965, Москва] — поэт, переводчик.

Родился в семье плотника. Рано потерял отца — тот умер от ран, полученных на фронтах Великой Отечественной. Талантливый художник — после семилетки окончил известную живописью миниатюр Федоскинскую худож. школу. Служил на Балтийском флоте, затем работал в колхозе, сотрудничал с газ. «Орловская правда». Окончил Лит. ин-т им. А. М. Горького (1959, семинар Л. Ошанина). Был корреспондентом «Комсомольской правды», работал в ЦК ВЛКСМ. Умер в результате сердечного приступа. В родном для поэта Орле именем Б. названа одна из улиц.

Первая книга Б.— «Сердцу милый край» — увидела свет в 1957 в Орле. Ее костяк, стержень составили стихи о малой родине поэта — Орловщине. Исполненный сыновнего внимания и любви разговор о родной земле и ее людях для Б. естественен — эта тема звучит полномерно и значимо в каждой его книге. Как отмечал Д. Ковалев, Б. был «богатырского сложения, наделенный ростом и статью, сельский парень», а его стихи отличали «спокойная ясность души, доброта, широкая земная радость с чуть сквозящей грус-

тинкой... Основой его нравственного здоровья была... орловская земля... ее сыны и дочери — его земляки. Все его стихи — о ней, о них... его любви к ним...» (Ковалев Д.— С. 4). «Я тут „на ты“ / С любимым ручьем и рощею, / Тут для меня / Начало всех начал...» — писал сам поэт о своей малой родине.

Б. признавался, что строки его «землей пропахли, как пропахла полынью фуфайка». И землей, и ремеслом рода — предки Б. были плотниками: «В грубые передники одеты — / У кого в деревне ни спроси,— / Вечно мои прадеды и деды / Плотниками были на Руси...» По словам Л. Ошанина, «запахи разнотравья и свежей древесной стружки, обучение в федоскинской художественной школе, матросская служба — все это формировало душу молодого поэта, гранило его любовь к Родине...» (Ошанин Л.— С. 6).

Стихам Б. присущи ясность и внешняя простота — он далек от экспериментов в области формы. Его пристрастия в мире русской поэзии очевидны. В первую очередь это С. Есенин, к которому Б. не раз обращается в своих стихах, влияние которого на поэта очень ощутимо и явственно. Б. до конца «оставался чужд всевозможным модернистским влияниям. Для него всегда высшим критерием были человеческая достоверность и поэтическая простота...» (Ошанин Л.— С. 6). Он сам предельно точно и емко написал об этом: «Рифму я не вертел за столом по неделе / (Чем причудливей рифмы, тем громче стихи). / На меня они сами, простые, глядели / То слезинкой цветка, то сережкой ольхи...»

Среди особенностей поэзии Б. критики справедливо отмечали остро ощутимые в стихах «мужицкую двужильную, нежную грубоватость, прямоту». Поэт скуп на краски природы, но эти краски «ярки, как та осень на могиле отца его, как яркие гребни горластых петухов на родных заборах. Живительная, шершаво-горячая плоть его образов... сама прикасается к тебе. Ее, кажется, можно потрогать, а не только видеть и слышать...» (Ковалев Д.— С. 4).

В 1960-е увидели свет 3 книги Б.: **«Моя точка зрения»**, **«Лада»** и **«Пойдем в мой край»**, где столь же отчетливо звучит тема малой родины и Родины большой. Поэт настаивает, что именно отсюда происходит его взгляд на окружающий мир, его «точка зрения»: «В сердце солнечное горение, / Половодье российский рек. / Вот она, моя точка зрения / От рождения и — вовек!»

В книге **«Лада»** (1966), завершить работу над которой поэту помешала преждевре-

менная смерть, значимое место занимают стихи, обращенные к Великой Отечественной войне. По собственному признанию Б., первые свои стихи он написал в День Победы. Его произведения о войне (**«Ты помнишь, мать...»**, **«Последний урок»** и др.), несмотря на горечь военного сиротства, несмотря на страшные воспоминания времен оккупации, не производят гнетущего впечатления, «наоборот, тем жизнелюбивее, чем тяжелее...» (Ковалев Д.— С. 4). Особенно проникновенны, пронзительны его строки о «солдатах — вдовах России, в сердцах которых огни ожидания мужей, не вернувшихся с войны»: «К ним сходят мужа с фотографий, / Совсем молодые мужа. / Седыми ночами им снится, / Что встретиться вновь суждено, / А каждому — только под тридцать, / А каждой — за сорок давно...» (Смирнов С.— С. 5).

В последние годы жизни поэт работал над поэмой **«Мать»**, посвященной матери В. Ленина — М. А. Ульяновой, а также над циклом поэтических переложений сказок народов мира, часть этих произведений вошли в посмертные книги Б. «Стихи давались ему легко. Правда, подчас он брал для них то, что лежало на поверхности, что поощрялось к печати... Отсюда его поспешные строки о вожде, родственниках вождя, о коммунистических мужах, многократно прославленных...» — писал о поэте А. Смирных.

Наиболее полно творчество Б. представлено в сб., увидевшем свет в 1997 в Орле, — **«Я полон света...»**. Здесь не только стихи Б. разных лет, но и сказки, и переводы, и письма.

Б. публиковался в ж. «Октябрь», «Молодая гвардия», «Подъем», «Огонек», «Смена», «Сельская молодежь».

Соч.: О себе // Блынский Д. Моя точка зрения. М., 1964, С. 2; Сердцу милый край. Орел, 1957; Иду с полей. М., 1959; Моя точка зрения. М., 1964; Лада. М., 1966; Пойдем в мой край. М., 1971; Солнечное слово. М., 1980; Я полон света... Орел, 1997.

Лит.: Мильков В. Так начинается песня // Октябрь. 1958. № 2. С. 222–223; Агеев Н. Хорошее начало // Комсомольская правда. 1958. 5 июня. С. 4; Денисова И. Чувство времени // Москва. 1958. № 10. С. 207–214; Выходцев П. Поэтическое поколение эпохи спутников // Молодая гвардия. 1960. № 7. С. 221–231; Ковалев Д. [Предисл.] // Блынский Д. Избранная лирика. М., 1967. С. 3–4; Смирнов С. Щедрое сердце // Блынский Д. Лада. М., 1966. С. 3–6; Ошанин Л. Слово о Дмитрие Блынском // Блынский Д. Солнечное слово. М., 1980. С. 5–6; Смирных А. Времени доверчивая жизнь // Наш современник. № 11–12. 1998. С. 266–268.

Д. В. Коржов